

Александр Ратнер

Александр Ратнер

**ТАЙНЫ ЖИЗНИ
НИКИ ТУРБИНОЙ
(«Я не хочу расти...»)**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Р25

**В книге использованы фотографии Николая Орлова,
Марка Яблонского, Евгения Комарова, Михаила Харлампиева,
Феликса Розенштейна, Константина Постникова,
Паоло Суриано, Джузеппе Коломбо,
а также из архива автора.**

Ратнер, Александр.

Р25 Тайны жизни Ники Турбиной («Я не хочу расти...») / Александр Ратнер; предисловие Дмитрия Быкова. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 640 с [64 с.]. — (Биография эпохи).

ISBN 978-5-17-982436-7

Ника Турбина — знаковая фигура конца 80-начала 90-х годов, поэта, известная своими ранними стихотворениями, трагически погибшая в возрасте 27 лет. Многие из ее биографии до сих пор покрыты тайной даже для поклонников ее творчества, в частности, кто был ее отцом, почему порвал с ней отношения Евгений Евтушенко, что делала она в течение года в Швейцарии, действительно ли она являлась автором своих стихов и многое другое.

В книге впервые приведена полная биография Ники Турбиной, автор приоткрыл завесы многих ее тайн и рассказал также о семье героини и ее окружении.

Книга проиллюстрирована уникальными фотографиями, черновиками стихов, письмами и др.

**УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-17-982436-7

© Александр Ратнер, текст
© Дмитрий Быков, предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

ДНИ ТУРБИНОЙ

Александр Ратнер написал сенсационную книгу, которая нужна очень немногим. Такое бывает. Когда-нибудь она будет нужна всем и станет, вероятно, классикой биографического жанра, причем качество самого текста — по-моему очень плотного и увлекательного, — тут совершенно ни при чем. Просто это книга важная, написанная о важном, но сейчас мало кто готов серьезно и трезво разбираться в феномене СССР, а Ника Турбина, кумир позднесоветской интеллигенции, имеет к нему прямое отношение. Заслуга Ратнера не только в том, что он проделал огромную исследовательскую работу, проинтервьюировал добрую сотню людей, знавших его героиню, любивших ее, пытавшихся ее спасти, — но в том, что он сумел рассмотреть историю последнего советского вундеркинда в контексте эпохи, которая эту девочку сначала вознесла, а потом убила.

Чтобы сразу снять серьезный вопрос: из этой книги явствует, что — выразимся осторожно — не все свои детские стихи Ника Турбина написала сама. Возможно, что помогли бабушка и мама, и Ратнер от этого факта не прячется. Добавлю, что справедливы мнения, высказанные уже после ее смерти, — о том, что стихи ее в большинстве своем были не слишком хороши, и напечатай такое взрослый человек — его бы скорее всего записали в графоманы, в лучшем случае в маргиналы вроде Ксении Некрасовой. Но это совершенно не принципиально, потому что встречал я серьезных художников, которые и о творчестве Нади Рушевой высказывались скептически: «Интересен ее возраст, а графика — так себе маэстризм», сказал мне крупный художник, у которого точно не было оснований для профессиональной ревности. И неважно, хороши ли были стихи Ники Турбиной: важно, что и в поведении, и в разговорах с бесконечными интервьюерами она была старше своего возраста, и слава чаще приносила ей депрессию, чем радость. Сложный, рано выросший — и притом бесконечно инфантильный — ребенок из сложного времени, порождение уникальной страны, феноменально умной, зрелой, культурной — и бесконечно нелепой, неумелой, инфантильной во всем, что касалось жизненной практики.

Ника Турбина погибла потому, что перестала быть кому-либо нужна, а вовсе не потому, что перестала писать стихи. Она могла бы делать это дальше — и лучше, — но столкнулась с двумя кризисами сразу, и погубило ее именно то, что они совпали. Первым кризисом был переходный возраст, вторым — переходный период. Надо было развиваться, пробовать новые техники, общаться с литературной средой — но эта среда перестала существовать. Выросшая Турбина интересовала всех только как пример бесповоротного и отчаянного падения — и так же, как раньше в ответ на общественный запрос она сочиняла стихи, теперь в ответ на этот запрос она демонстративно и откровенно гибла. Ей надо было вызывать у окружающих ощущение чуда, существовать без этого она уже не могла — и поскольку поэзия таким чудом быть перестала, о чем многие успели тогда написать, осталось чудо безоглядной и жестокой саморастраты. Это было зрелище непривлекательное, но зато Турбина с прежней наглядностью демонстрировала все стадии распада того самого социума, который недавно носил ее на руках.

Точно так же и книга эта рассказывает о крахе системы, которая породила вундеркиндов. Она вообще-то много чего породила, и об этом вспоминают куда охотнее, — дефициты, внешние агрессии, внутренние репрессии, большую ложь и государственное насилие на каждом шагу; но вундеркиндов она породила тоже. Она носила их на руках, потому что они демонстрировали главную особенность этой системы, выполнение центральной ее задачи — формирование нового человека. И этот новый человек в самом деле формировался — нигде в мире не было такого количества юных гениев на тысячу граждан: в лучшем случае это были замечательные юные актеры вроде Джекки Кугана. А в СССР это были художники, музыканты, мыслители, спортсмены — их растили в условиях фантастических нагрузок, которых они иногда не выдерживали, но при этом осеяли страстной государственной заботой. Свой вклад в этот культ малолетних гениев внес Горький, создатель всей советской идеологии с ее базовым тезисом насчет кардинальной переделки человеческой природы; его статья «Мальчик» — о девятилетнем Леониде Зорине, чья первая книжка стихов тогда только что вышла, — заложила основы этой государственной религии. Зорин оказался чуть не единственным вундеркиндом, чья судьба сложилась классически удачно: сейчас ему 93, он только что опубликовал новую пьесу

и работает над повестью. Остальные — Коля Дмитриев, Надя Рушева, Дато Крацашвили, — умерли, не успев закончить среднюю школу. Больше повезло спортсменам — им, что называется, было куда развиваться, существовали некие гарантии будущего; но сколько тут было покалеченных душ и тел! Ника Турбина была последним таким советским чудом, ею восторгались Евтушенко и Юлиан Семенов — шестидесятники, культивировавшие ту же мечту о новом человеке; но у девяностых была другая мечта, и Ника Турбина в нее совершенно не вписывалась — вне зависимости от того, хороши или плохи были ее стихи, сама она писала их или нет.

Вне зависимости от всего этого, дни Турбиной — так же, как «Дни Турбиных», — обозначили конец эпохи. А сама Ника Турбина прожила подлинную жизнь поэта — потому что задача поэта в том и состоит, чтобы на собственном примере показывать другим, что происходит.

И потому ей суждено литературное бессмертие, и у первой настоящей книги о ней будет долгая счастливая судьба. Несмотря на то, что при этой первой публикации ее пришлось в полтора раза сократить, и ждала она своего часа почти десять лет, странствуя по издательствам и получая бесконечные отказы. «Сейчас это никому не нужно», — говорили Ратнеру.

От читателя, который держит эту книгу в руках, зависит ответ на вопрос — нужно все это кому-нибудь или нет.

Дмитрий Быков

*Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.*

*И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.*

Георгий Иванов

Часть I

«Но трудно мне дышать без слов...»

Глава 1.

«Я время ощущаю только ночью...»

Ника Турбина (Торбина) родилась в Ялте 17 декабря 1974 года, во вторник, в 17 часов 30 минут с весом 3 кг 400 г, с черными кудрями, раскосыми глазами и желтоватым от детской желтухи лицом. По этому поводу ее мама, Майя Анатольевна Никаноркина, в дальнейшем Майя, написала бабушке, Людмиле Владимировне Карповой, такую записку: «Если будет война с Китаем, то нас не убьют». Роды были по тем временам не очень тяжелые, хотя все лицо Майи от напряжения было красным в течение двух месяцев, словно на него надели маску из лопнувших сосудов.

Назвать девочку Никой предложила близкая подруга ее бабушки Нина Васильевна Тархова, врач-микробиолог Научно-исследовательского института курортологии имени М.И. Сеченова. Это имя сразу же понравилось близким новорожденной. А я, честно говоря, думал, что его выбрали, взяв первые четыре буквы фамилии дедушки — Никаноркин.

С рождения Ника была Торбиной. Впоследствии она стала Турбиной, для чего Майя поменяла в фамилии дочери одну букву: «Пусть это будет псевдоним Ники», — сказала она, словно предугадав, что дочь станет поэтом. Подробнее об этом рассказано дальше.

После родов оказалось, что у Ники дисплазия тазобедренных суставов¹, и она с двух месяцев почти до года пролежала в гипсе с разведенными ножками, которые были зафиксированы распорками. О том, что это случится, Майе дважды сни-

¹ Аномалия развития всех их элементов, в частности несформирование головок.

лось — сначала в роддоме, потом через неделю после возвращения домой. Когда пришло время снимать распорки, Майя очень боялась, что Ника будет хромать, переживала, плакала и, чтобы этого не видеть, уехала в Симферополь к своей знакомой. Доктор снял Никушино «обмундирование» и сказал: «У нее все отлично, она сможет прыгать с парашютом». Ника встала на ножки. Бабушка надела на нее колготки, бумазейное платьице в клубничках, завязала бант, и в таком виде, нарядной, Ника встретила счастливую маму.

Ника жила с мамой, бабушкой и дедушкой на улице Садовой, 28, на последнем, четвертом этаже в стандартной трехкомнатной квартире № 12, с одной отдельной комнатой и двумя смежными¹. От входной двери шел узкий коридор, с левой стороны которого располагались полки, заставленные и заваленные книгами и журналами. Справа — отдельная комната, в которой жил дедушка Ники, Анатолий Игнатьевич Никаноркин. Коридор вел в гостиную с разноцветными стенами: напротив входа была красная стена, в начале которой высился массивный темно-коричневый старинный буфет. Далее располагалось прямоугольное зеркало, справа от него висела соломенная шляпа Ники. Над зеркалом, будто парили, пять иконок — три Николая Угодника и две Матери Божьей. Правее зеркала стояла огромная тахта, над которой висели картины, в том числе подлинники К. Богаевского и М. Волошина.

Напротив красной стены — синяя, возле которой стояли диван и круглый столик, над ними тоже висели картины. В третьей стене, частично красной, частично синей, было окно с цветами на подоконнике. В окне — горы, кипарисы, у окна — телевизор. Наконец, четвертая стена с дверью, ведущей в комнату Ники, по словам ее бабушки, была то черного, то желтого цвета. Возле нее рядом с дверью стояло кресло, над которым висела большая картина: ваза с букетом сирени.

Идея сделать стены разноцветными принадлежала Карповой. А вот комната Ники была одного цвета — зеленого, потому что у них оказалось много краски именно этого цвета. Вот что представляла собой эта комната. Вдоль всей левой стены шла не очень высокая полированная «стенка», на которой сто-

¹ Описываю по памяти то, что видел сам, а также по видеоматериалам, снятым телеоператором по моей просьбе в середине 2003 года.

яло множество керамических и металлических кувшинов, найденных при археологических раскопках. Два из них в разные годы были подарены мне. Чуть ниже, вдоль всей «стенки», шла ниша, уставленная книгами. Это была часть домашней библиотеки, другая находилась в комнате бабушки. По правую руку от входа в комнату Никуши стояло пианино, а далее, вдоль стены, располагались ее письменный стол, торшер вместо настольной лампы, кровать и платяной шкаф. Между пианино и письменным столом стоял стул, который можно было использовать как для музыкальных, так и для школьных занятий. Ну и, конечно, окно в торце комнаты, в которое Ника смотрела чаще и дольше, чем в школьные учебники. Это было не просто окно, а видимый только Никой выход к иным мирам. К этому вопросу мы еще не раз вернемся.

Близкий друг Ники Альберт Бурыкин¹ рассказал, что, по словам Майи, Ника была странным ребенком: очень рано, в год с чем-то, начала говорить, но как ребенок, потом, где-то в полтора года, замолчала и не говорила до трех лет. Родные думали, что у них растёт тупица, но Ника снова заговорила и сразу как взрослая. По свидетельству Карповой², Никуша в два с половиной года спросила: «Можно мне сказать слово “жопа”?» — «Конечно, можно, деточка». И она бегала из комнаты в комнату и кричала это слово. Ей нравилось его звучание.

В три года Никуша вместе с Майей поехала в Майкоп к Светлане³. Оттуда Майя позвонила и сказала, что Ника шепчет какие-то очень страшные слова, которые оказались первым ее стихотворением «Алая луна»:

Алая луна,
Алая луна.
Загляни ко мне
В темное окно.
Алая луна,
В комнате черно.
Черная стена,
Черные дома.
Черные углы.
Черная сама.

¹ Бурыкин А. В. (род. 1963), поэт, певец.

² Здесь и далее в книге автор приводит рассказы Карповой, услышанные им от нее.

³ Карпова С. В. (1946 — 2006), младшая сестра Людмилы Карповой.

Совершенно иначе рассказывает об этом Анна Евгеньевна Годик, одноклассница и близкая подруга Майи: «Начало творчества Ники для меня было с того момента, когда мы с Майей и Людмилой Владимировной ночью сидели в кухне на Садовой, открыли бутылку массандровского портвейна, и вдруг вышла проснувшаяся Ника (ей тогда было три года) и сказала: “Я написала стих”. И прочитала стихотворение, которое сейчас почему-то датируется совсем другим годом¹. А стихотворение это было “Алая луна” — первое, что я от нее лично услышала».

Вот как сама Ника в девять лет объясняла свой творческий процесс: «Я начала сочинять стихи вслух, когда мне было три года... Била руками по клавишам рояля и сочиняла... Так много слов внутри, что даже теряешься от них...»² Дополнила эти слова замечательным стихотворением Никуши:

Я играю на рояле.
Пальцы эхом пробежали,
Им от музыки тревожно,
Больно и светло.
Я играю на рояле,
Слов не знаю,
Нот не знаю,
Только странно
Мне от звука,
Что наполнил дом.
Он распахивает окна,
В вихре закружил деревья.
Перепутал
Утро с ночью
Этот тайный звук.
Я играю на рояле,
Пальцы тихо замирают.
Это музыка вселенной —
Тесен ей мой дом.

В статье «Дни Турбиной» Алексей Косульников приводит воспоминания 20-летней Ники о первых своих поэтических шагах: «Стихи приходили ко мне почти во сне, на грани, которую я сама не всегда могла уловить. Первое стихотворение, ставшее впоследствии столь знаменитым, я продиктовала

¹ Впервые напечатанное стихотворение «Алая луна» по непонятным причинам открывало лишь вторую книгу стихов Н. Турбиной «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...» и было датировано не 1977, а 1980 годом.

² Из предисловия Е. Евтушенко к книге Н. Турбиной «Черновик».

маме часа в три ночи. Точнее, не продиктовала, а просто начала что-то лепетать с закрытыми глазами. Мама же — человек творческий — быстро сориентировалась и, схватив карандаш, записала. Утром на кухне это было прочитано вслух и громко. Все улыбнулись. Стихи, сказали. Надо же. А мне-то приснилось, как мы с родителями отдыхаем на море — здесь, неподалеку, — и я вижу огромную луну над темным горизонтом. И я об этом кому-то рассказываю. Потом, когда мне стали часто приходиться в голову строки, я считала, что это она, луна, мне подсказывает...»¹

Ника вскоре после того, как начала говорить, неожиданно спросила у бабушки: «Буль, а есть ли душа?» Прошло пять-шесть лет, и Ника сама себе ответила на этот вопрос:

Душа-невидимка,
Где ты живешь?
Твой маленький домик,
Наверно, хорош?
Ты бродишь по городу,
Бродишь одна,
Душа-невидимка,
Ты мне не видна.

Конечно, проявление поэтических способностей в столь раннем возрасте поражало не только близких, но и окружающих, многие из которых не верили, что автором стихов был ребенок. С другой стороны, иначе, наверное, и быть не могло, потому что Ника родилась, по выражению Майи, в «творческо-поэтической» семье. Судите сами: мать — талантливая художница, обладающая также удивительным поэтическим слухом; бабушка — высокоэрудированный человек, автор пьес и рассказов; дедушка — известный в Крыму поэт и прозаик, автор многих книг, вышедших в центральных издательствах Москвы; наконец, отец Георгий Торбин, речь о котором пойдет в главе 8 этой части книги, также был человеком творческим. Если верить тому, что истоки таланта ребенка следует искать у родителей, то коктейль из их творческих генов Ника, безусловно, испила. Кроме того, в их доме, куда часто приходили известные московские поэты и писатели, все настолько было пронизано поэзией, что только кошки и собака не писали стихов.

¹ Косульников А. Дни Турбиной // Новая ежедневная газета. — 1994. — 8 апр.

В остальном Никуша была обычной девочкой. После приезда из Майкопа прикрывала дверь своей зеленой комнаты и там из капроновых чулок плела «косу» в виде прочных морских узлов, которые невозможно было развязать. Нику этому никто не учил. Такое занятие ее успокаивало, она рассказывала «косе» свои мысли. Многие ошибочно считают, что именно об этом написано стихотворение «Косу заплети тугую». На самом деле оно касается взаимоотношений с Майей, о чем рассказано в главе 6.

Как-то Ника, обидевшись за что-то на детей, с которыми играла во дворе, прибежала домой и в сердцах сказала: «Все — говны!». Близкие не сразу сообразили, какое известное слово она поставила во множественном числе.

«У меня были новые колготки, — вспоминает Карпова, — я их берегла к 7 ноября¹, чтобы пойти в них на демонстрацию. Ника (ей тогда не было четырех лет²) вытащила их из ящика вместе со старыми и сплела из них плотную “косу”. Со мной была истерика, и Майка на нее напала. Мы ее поставили в угол, сами же пошли на кухню и услышали странную тишину. У нас к ней, особенно у Майки, была безумная любовь. Ника должна была к ней прикоснуться, держать ее за руку. У нее уже стали появляться страшные стихи. “Она идиотка или Богом данная?” — думали мы. Когда наступила тишина, мы зашли в комнату — ребенка нет. Выбежали из квартиры и увидели Нику, она стояла на площадке четвертого этажа и держалась за перила. Ника всунула ноги в тапочки, на голове — ничего, а комбинезон и шапка в руках. Она еще даже не умела одеваться. Мы ее схватили, плачем, трясемся. Принесли в коридор, а она говорит: “Не унижайте меня!” У Майки началась истерика, я пошла и купила коньяк, мы выпили и немного успокоились. Я стала перед внучкой на колени и сказала: “Никушечка, прости меня, старую бабушку. Я не виновата, виноваты обстоятельства. Знаешь, что такое обстоятельство?” — “Да, это ситуация”, — ответила она.

Иногда мне кажется, что Ника вовсе не была ребенком — настолько взрослыми были ее речи, суждения. Она всегда была личностью.

Мы не ощущали возраста Никушечкиного. Допустим, ей было пять лет. Мы не знали, что ей было пять лет, — она

¹ Годовщина Октябрьской революции 1917 года.

² В разное время родные Ники называли цифры от трех лет и выше.